

*Алла Ботникова
(Воронеж)*

О ВРЕДЕ ЧТЕНИЯ КНИГ (Опыт национальной самоидентификации)

Русскому человеку в высшей степени свойствен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему он в жизни хватает так невысоко?

А. Чехов. Три сестры

Общеизвестно: книга — культурная память человечества. Долгое время Россия считалась самой читающей страной. И немало гордилась этим. Миф, конечно. Но миф, как правило, не врет, хотя способен обрастать фантастическими подробностями. Почему в наши дни этот миф вмиг рассеялся, объяснят социологи. Не исключено, что это был тот случай, когда «романы... заменяли все». «Читающее время» еще у многих на памяти. Ведь была пора, когда выстраивались очереди за подписками на собрания сочинений классиков, когда глаз повсюду натывался на слоган: «Книга — лучший подарок», а потрепанные номера «Нового мира» передавали друг другу с обязательством возвратить в нужный срок, чтобы книжка не «пролеживала» зря, а постоянно была в ходу. О поэтических вечерах в политехническом и сейчас часто напоминают в разных средствах массовой информации.

Шестидесятые годы — время культовых книг и культовых авторов. В их начале прошла мощная волна поклонения Ремарку. Потом на-

стало время Хемингуэя. Фотография писателя в грубом свитере украшала книжные полки многих домов, интеллигентных и не очень. Позже стали увлекаться даже Германом Гессе, потом Борхесом... Не самые простые авторы...

В ту пору читали, действительно, много. Читателями были студенты (отнюдь не только гуманитарии), научная молодежь – «физики», по тогдашнему определению, учителя и, конечно, библиотекари... Словом, интеллигенция...

Похоже, в этом было что-то от национальной традиции. Ибо еще в «Повести временных лет» говорилось: «Аще бо поищеши в книгах мудрости прилежно, то обрящеши велику ползу души своей; иже бо книги часто чтеть, то беседуеть с богом или святыми мужи; почитая пророческия беседы, и еуангельская ученья и апостолская, и житья святых отець, възприемлеть души велику ползу» [1, с. 23].

К книге в России относились не только очень уважительно, но и всегда с известным пиететом. Об этом свидетельствует вся русская литература, начиная от «Повести временных лет» и кончая второй половиной прошлого столетия. «Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книг, / Скучнее вечной тьмы, тяжелее вериг! / Тогда противен день, веселие – досада!» – восклицал Михайло Ломоносов в «Письме о пользе Стекла» [2, с. 241]. Пушкину, как известно, Муза являлась не с лирой, а с книжкою в руках (то, что книжка французская приходится списать на особенности эпохальных привычек).

Русская литература вообще полна читающих героев. Еще Фамусов сетовал, что его дочь Софья «все по-французски вслух читает запершись». Начитанным был Онегин, он не только «читал охотно Апулея», но и более серьезные книги, правда, быстро разочаровался. Что уж говорить о Татьяне Лариной, как известно, она «влюблялась в обманы и Ричардсона, и Руссо», к тому же воображалась «героиней своих излюбленных творцов, Кларисой, Юлией, Дельфиной»...

Книги читали многие герои и героини Тургенева, Гончарова, Достоевского, Толстого, Чехова, да, по сути, всех русских классиков и неклассиков. Перечислять всех нет никакого смысла. От Онегина до арестантов «Мертвого дома», от Татьяны из «Евгения Онегина» до Насти из пьесы Горького «На дне». Даже судья Ляпкин-Тяпкин, как известно, «почитал пять или шесть книг»... И так почти вплоть до нашего времени. У лирического «Я» Владимира Высоцкого «сосало под ложечкой сладко от фраз», которые открывались ему «со страниц пожелтевших». «Я гомо читающий», – заявлял один из его ролевых героев.

Достаточно открыть любую русскую книгу, и мы почти обязательно натолкнемся на читающего персонажа. Читают в кабинетах, в гости-

ных, в садовых беседках, в кроватях («Но та, сестры не замечая, / В постеле с книгою лежит» — Пушкин), и даже в подворотнях («Листаю книги в глыбких подворотнях» — «И не живу, и все-таки живу» — Мандельштам). Читают в домах знатных и в разночинных, на каторге и в ночлежке...

Полка (полки) книг, книжный шкаф (шкафы) — почти обязательные приметы литературных российских интерьеров. Их неисчислимое количество. Пушкинская Татьяна «отдать бы рада» свою великосветскую известность «за полку книг, за тихий сад...», Онегин «отрядом книг уставил полку»... Книжные интерьеры могут быть местом действия или просто предметом воспоминания. «Зато здесь книгами полны / Стоят шкафы. Глядят портреты / Героев мысли со стены» (Плещеев); «Стол с газетами, с книгами шкаф. / Неуместны здесь громкие речи» (Некрасов); «Осень. Древний уголок / Старых книг, одежд, оружия» (Пастернак)... Примеры можно множить.

Поразительно, но факт: в зарубежной литературе героев-книголюбителей, «гомо читающих», тех, которых автор «застал» бы с книгой в руках, значительно меньше. Если с самого начала, то, конечно, Франческа и Паоло из «Божественной комедии». И конечно, самый наиславнейший из читателей — сеньор Алоносо Кихана, более известный как Дон Кихот Ламанчский. Затем провал в несколько веков, и память подсказывает: в немецкой литературе это — лишь «мученик мятежный» Вертер, черпавший наслаждение в Гомере, Оссиане, Клопштоке, и, разумеется, Фауст, что «над философией корпел», хотя прославился не этим... Ну еще, натурально, Кот Мурр — самый начитанный из всех своих предшественников. У французов вспоминается только Жюльен Сорель (читал «Мемориал Святой Елены»), Эмма Бовари и многочисленные симпатичные ученые Анатоля Франса. Не удастся припомнить ни одного англичанина с книгой. Просперо из шекспировской «Бури» с его магическими книгами, да Робинзон, ежедневно посвящающий вечерний час Библии — не в счет. Это не те читатели.

Приведенный список, конечно, неполон. Но если и пополнится, то ненамного. По сравнению с русским он до смешного мал. Очевидно: чтение — это все-таки наше, родное, национальное пристрастие.

У Чехова есть рассказ под названием «Пари». Не из самых известных, но для настоящих размышлений по-своему симптоматичный. Его герой на пари согласился провести пятнадцать лет в одиночном заключении, чтобы по их истечении получить два миллиона. На что же он потратил годы уединенной жизни? Характерно, что ему и в голову

не пришло заняться каким-нибудь практическим делом. «В продолжение четырех лет по его требованию было выписано около шестисот томов» [3, с. 248]. Он читал, изучал иностранные языки, а в финале за пять часов до окончания срока, разочаровавшись во всем, сбежал из заключения, потеряв и миллионы и годы жизни.

Поучительная история.

Существует мнение, что именно пристрастием к чтению Россия обязана драматизмом своей истории. Для западного читателя это русское пристрастие, видимо, самоочевидно. «То, что русская культура литературоцентрична, давно стало общим местом — даже и за пределами России», — пишет немецкая славистка Ирис Беккер и продолжает: «...Уже на рубеже XIX и XX веков (если не понятийно, то литературно) стали очевидны и русский литературный центризм, и его драматические последствия» [4, S. 253].

Об этих «драматических последствиях» идет речь в ее обстоятельной работе, посвященной чеховским «Трем сестрам». И по глубине анализа, и по четкости итоговых выводов она заслуживает того, чтобы остановить на ней внимание. Статья называется «Экзистенциальная бездомность чеховских "Трех сестер": К вопросу о ценностном статусе текстовой реальности в русской литературе». Уже из заголовка ясно, что автор посягает на большее, чем просто на анализ известного произведения. В пьесе Чехова он видит самоанализ и самокритику.

«Три сестры» рассматриваются очень подробно и обстоятельно. Все исчерпывающе объяснено. Читателю не оставлено никакой возможности что-то домыслить. От начала до конца, двигаясь по пространству чеховского текста, автор показывает, как постепенно, но неуклонно сестры лишаются жизненного пространства в принадлежавшем им доме. Они становятся бездомными. Для автора это не просто потеря места жительства, это — **экзистенциальная бездомность**, так сказать, пространство, «сжатое до точки».

Теряя жизненное пространство, сестры, по сути, лишаются и реального времени. Знаменитое «В Москву! В Москву!» означает, что настоящее воспринимается ими как нечто временное, несущественное, а «томление по Москве выступает чем-то вроде воспоминания о будущем» [4, S. 261]. Утрата дома «приводит к дальнейшей потере — потере и без того непрочного настоящего, находившегося то в будущем, то в прошедшем» [Ibid., S. 263].

Замечено точно. Д. С. Лихачев писал: «...В России не было счастливого настоящего, а только заменяющая его мечта о счастливом будущем» [5, с. 4].

Причиной такой онтологической неопределенности, по мысли Ирис Беккер, является пренебрежение миром повседневности (исследовательница пользуется данным в транскрипции русским словом «быт» – *byt*) и упрямое пребывание в той сфере, которую автор обозначает как «текстовая реальность» (*Textrealität*). Она включает в себя, в первую очередь, книжный мир, но и не только: текстовая реальность – это любое погружение в занятия, уводящие от повседневности.

И. Беккер пишет: «Спектр читаемых или обсуждаемых по ходу действия текстов разнообразен. Маша читает романы, Ольга – школьные тетради, Андрей читает либо старые университетские лекции, либо деловые бумаги, Чебутыкин – читатель газет, Кулыгин дарит написанную им историю местной гимназии, Вершинин же, по его собственным словам, читает "все вперемешку"» [4, S. 278].

Для выявления круга чтения героев скрупулезно исследуются все элементы текста «Трех сестер». «Тема чтения, заявленная с самого начала, останется навсегда как в ремарках, так и в речи персонажей. Мелькают имена критиков, писателей и литературных героев (Добролюбова, Гоголя, Бальзака, Лермонтова, Шекспира, Вольтера, Алеко), возникают заголовки литературных произведений ("Записки сумасшедшего" Николая Гоголя), литературные цитаты, которые иногда варьируются, иногда даже сочиняются (из поэмы "Руслан и Людмила" Александра Пушкина, из басен Ивана Крылова "Крестьянин и работник" и "Гуси", из пьесы Уильяма Шекспира "Ричард III", из "Истории о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем" Николая Гоголя, из комедии Александра Грибоедова "Горе от ума", из стихотворения Михаила Лермонтова "Парус")» [4, S. 278].

Выстраивая типологию героев, И. Беккер делит их на две группы: читателей и не-читателей. Причем вторая группа представлена в единственном числе – Наташей, но она-то и выступает победительницей в настоящей, «не-текстовой» реальности.

Прочитанная так чеховская пьеса менее всего представляет собой историю «упадка одного семейства» (если воспользоваться известным подзаголовком Томаса Манна). Это – судьба русской интеллигенции, ее «экзистенциальная бездомность» [Ibid., S. 279], «онтологическая неуверенность» [Ibid., S. 269] и, по сути, историческая обреченность. Для сестер не остается места в жизни. «Их местонахождение – это экзотопия, "внезаходимость по отношению к быту"» [Ibid., S. 279]. «Из-за своей установки на "безбытность" не они управляют обстоятельствами, а обстоятельства (чьим воплощением и выступает Наташа) ими» [Ibid., S. 260]. И выхода нет.

Возразить трудно. Тем более что статья венчается данным без комментариев монологом Ани из последней пьесы Чехова. Ситуация ясна: вишневый сад уже продан. Родительский дом вместе с забытым в нем Фирсом заколочен. Раневская в Париже растратит последние деньги. А ее дочь восторженно восклицает: «Ты, мама, вернешься скоро, скоро... Не правда ли? Я подготовлюсь, выдержу экзамен в гимназии и потом буду работать, тебе помогать. Мы, мама, будем вместе читать разные книги... Не правда ли: (*Целует матери руки*). Мы будем читать в осенние вечера, прочтем много книг, и перед нами откроется новый, чудесный мир (*Мечтает*)».

Словом, «литературный центризм» оказался судьбоносным для истории всей России. Национальное пристрастие обратилось национальной бедой. «Взгляд, конечно, очень варварский, но верный», — мог бы сказать Иосиф Бродский.

Впрочем, главная мысль статьи, пожалуй, не нова. Более ста лет тому назад ее уже высказал Иннокентий Анненский в известной статье о «Трех сестрах», озаглавленной «Драма настроений». Он тоже прочитал пьесу как произведение о русском обществе: «...Чехов более, чем какой-нибудь другой русский писатель, показывает мне *вас* и *меня*...» [6, с. 82]. И. Анненский, как и И. Беккер, тоже отмечал бесплодность утопических мечтаний, свойственных русскому человеку: «Это не сестры. Это мы вопрошаем и ждем, что наша обетованная земля придет за нами сама. <...> Мы столько читали, мы так любили, так желали» [Там же, с. 87]. И далее: «Что может быть более русским, чем этот вечный кирпичный завод, это спасительное *завтра*... У кого Москва, у кого кирпичный завод. Только бы зажмуриться и не жить. Покуда, конечно, не жить... до завтра...» [Там же, с. 88].

Первым Анненский сказал и о сугубо литературных установках жизни обитателей дома Прозоровых: «Люди Чехова... это *литературные* люди. Вся их жизнь, даже оправдание ее, все это *литература*, которую они выдают или и точно принимают за жизнь» [Там же, с. 82].

В основном точки зрения русского автора начала прошлого века и современного немецкого исследователя полностью совпадают. Разница только в форме выражения мысли. В одном случае — импрессионистическая, в другом — строго научная. Сравним. И. Анненский: «Я не знаю, что будет дальше, но я слышу одно: завтра, завтра, завтра... Москва... Школа... Триста лет... Бобик спит... Ну и пускай, все это прекрасно, живите, бог с вами, кто как умеет, но, право же, и "Тарарабумбия"... сажу на тумбе я, ну, ей богу же, я не понимаю, чем этот резон хуже хотя бы и кирпичного завода в смысле оправдания жизни» [Там же, с. 92]. И. Беккер, говоря о «последовательном сужении

жизненного пространства трех сестер», тоже вспоминает нелепую песенку Чебутыкина: «В конце концов, сестрам и их близким не остается больше никакого места, разве что "тумба", на которой даже вдвоем не уместиться» [4, S. 259].

По некотором размышлении нетрудно заметить, что погруженность в литературу, в «текстовую реальность», как правило, плохо влияла на судьбу **всех** российских «читающих героев». Если бы пушкинская Татьяна с юных лет не увлекалась романами, едва ли бы она столь тягостно воспринимала выпавшую ей на долю роль светской дамы. Не выдержала приобщения к чтению рано скончавшаяся Вера Николаевна — героиня рассказа Тургенева «Фауст». Плохо кончили все читающие герои Достоевского. (Примечательно, что перед гибелью Настасья Филипповна читала «Madame Bovary».) Добродушный сирота Алифан из «Нравов Растеряевой улицы» Глеба Успенского настолько увлекся чтением, что утратил всякую жизнеспособность: «...читал-читал, а глядишь — и околет, как собака».

Впрочем, если быть справедливым, то надо признаться, что не только в России «темен жребий» читающего героя. И в западной литературе, пожалуй, ни один из них не кончил хорошо. Франческо и Паоло обречены были на вечное круговращение в аду, дон Кихот сошел с ума. Жюльен Сорель кончил жизнь на гильотине. Вертер и Эмма Бовари прибегли к самоубийству... Может быть, только Коту Мурру начитанность не испортила жизнь. На то он и кот.

Приходится признать: опасность есть. Древняя мудрость гласит: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл. 1:18). Лев Шестов в «Апофеозе беспочвенности» делился с читателем «практическим советом»: «Образованным, много читающим людям нужно постоянно иметь в виду, что литература — это одно дело, а жизнь — другое» [7, с. 218].

Справедливость доводов И. Беккер едва ли можно оспорить. Только «не поймет и не заметит гордый взор иноплеменный», что все обитатели дома Прозоровых в национальном самосознании окружены аурой положительных коннотаций. За границей внимания исследователя осталась проблема аксиологии.

Банальная жажда обеспеченности и сытого покоя никогда особенно не ценились российским национальным сознанием. Напротив. Милосердие, великодушие, доброта, способность поступать против своей выгоды, пренебрежение собственностью, даже житейская непрактичность для него — признаки душевного богатства и даже предмет эстетического любования. Прекрасна Наташа Ростова, выбра-

сывающая вещи родительского дома, чтобы освободить подводы для раненых; прекрасна Настасья Филипповна, кидающая в огонь пачку денег; прекрасны и сестры Прозоровы... Анненскому это тоже было ведомо: «Три сестры — какая это красивая группа! Как от нее веет чем-то благородным и трогательным. Сколько здесь беспомощности и вместе с тем чего-то греющего, неизменного. Какое-то прибежище»... — писал Иннокентий Анненский [6, с. 85]. Сходные чувства у Бунина: «А вот журналы с именами Жуковского, Батюшкова, лицеиста Пушкина. И с грустью вспомнишь бабушку, ее полонезы на клавикордах, ее томное чтение стихов из "Евгения Онегина". И старинная мечтательная жизнь встанет перед тобою... Хорошие девушки и женщины жили когда-то в дворянских усадьбах! Их портреты глядят на меня со стены, аристократически-красивые головки в старинных прическах кротко и женственно опускают свои длинные ресницы на печальные и нежные глаза...» [8, с. 190].

В известном чеховском рассказе «Дом с мезонином» несимпатичная рассказчику Лида Волчанинова призывает: «...Ах, Боже мой, ведь нужно же делать что-нибудь!», а ее нежная, поэтическая сестра Мисюся «не имела никаких забот и проводила свою жизнь в полной праздности... Вставши утром, она тотчас же бралась за книгу и читала, сидя на террасе в глубоком кресле...» [9, с. 61].

От взора немецкого исследователя укрылась эстетическая составляющая явления. Несмотря на точность и справедливость поставленного диагноза, он неполон. Житейской укорененности у «читающих героев» нет, но есть укорененность в сфере духа, есть бесспорный и постоянно действующий нравственный ориентир. В их пренебрежении к быту содержится та верность себе, которая утверждает себя вопреки прямой выгоде и окружающим обстоятельствам. Именно эта нравственная непоколебимость позволила Юрию Живаго с неожиданным и не характерным для него высокомерием отнестись к "безнадежной ординарности" преуспевших в жизни Дударева и Гордона (см.: [10, с. 474]).

Остается только гадать, что предпочтительнее: житейская устойчивость или духовная самостоятельность.

В наше время, как уже говорилось выше, с перспективами чтения, кажется, все понятно. Появились иные источники общественного признания. И отнюдь не исключено, что, перестав читать, Россия отделается от «литературоцентричности», а с ней и от «экзистенциальной бездомности». И тогда обретет *реальное* жизненное пространство... Не потерять бы при этом и чего-то важного.

Список литературы

1. *Хрестоматия по древней русской литературе* / под ред. Н. И. Прокофьева. М., 1973.
2. *Ломоносов М.* Избр. произведения. Л., 1986.
3. *Чехов А. П.* Собр. соч.: в 12 т. М., 1955. Т. 6.
4. *Bäcker I.* Die existentielle Unbehausheit der Cecov'schen Drei Schwestern. Zum Wertestatus der Textrealität in der russischen Kultur // *Eigen-und fremd-kulturelle Literaturwissenschaft / Veröffentlichungen des Thomas-Mann-Lehrstuhls an der RGGU Moskau; Institut für deutsch-russische Kulturbeziehungen. Schriftenreihe. Bd. 3.* München, 2011.
5. *Лихачев Д. С.* О национальном характере русских // *Вопросы философии.* 1990. № 4.
6. *Анненский И.* Книги отражений. М., 1979.
7. *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления). М., 2004. Ч. 2.
8. *Бунин И. А.* Собр. соч.: в 9 т. М., 1965. Т. 2.
9. *Чехов А. П.* Собр. соч.: в 12 т. М., 1955. Т. 9.
10. *Пастернак Б.* Собр. соч.: в 5 т. М., 1990. Т. 3.